

КАК ПОНЯЛИ? ПРИЕМ

Ко Дню победы публикуем рассказ Голуба Г. Е., полковника СВР, участника Великой Отечественной войны

Голуб Г. Е.: «Бой – такая штука! Она, наверное, запредельна для восприятия человеком и почти не остается в памяти. Если говорят, что страх проходит на войне, то это неправда. Страх витает все время – страх смерти. Но главное – как ты к нему относишься. Поддаешься этому страху, опускаешь руки или, наоборот, мобилизуешь себя, чтобы сохранить. Вот такая штука».

Телефонист взвода «сорокопяток» Грант Петросян был щуплым парнишкой с большим носом, выразительными глазами, и говорил он по-русски хорошо, но, конечно, с характерным армянским акцентом. Семья Петросянов задолго до войны поселилась в Сочи, откуда он, и был призван и определен в телеграфисты, поскольку после школы поступил в техникум связи.

Командир артиллерийского взвода лейтенант Борис Кравцов был ненамного старше Гранта, но успел закончить до войны артиллерийское училище.

Когда Грант попал во взвод Кравцова, тот сказал ему:

– На войне без связи – гибель. А в артиллерии – в особенности: ни команды передать, ни боеприпасы запросить. Связь между моим НП и огневой позицией должна быть постоянной и непрерывной: без связи мы никому не нужны.

Остров Хортица нависал бастионом над полотном Днепра, определенным для форсирования.

Оборудованные на Днепровской плотине огневые точки немцев контролировали реку и левый берег. Хортицу необходимо было брать. В случае успеха вся оборона противника на правом берегу рассыпалась.

Октябрьские ночи на Украине, придавленные низкой облачностью, дегтярно-черные.

Высадку первого эшелона десанта решили начать с наступлением темноты, а не, как обычно, на рассвете.

С десантом пошел и Борис Кравцов со своим отделением управления. Убаюканные многодневной тишиной немцы прозевали высадку и спохватились лишь утром. Кравцову с бойцами удалось углубиться и оборудовать свой НП среди бетонных глыб взорванной плотины.

Тщательно укрывая и маскируя провод, Грант протащил его к берегу на НП командира батальона, куда переправился и командир полка.

Хорошо понимая, к чему приведет потеря острова, немцы атаковали большими силами, и заградительный минометный и артиллерийский огонь по левому берегу и реке не давали возможности перебросить подкрепление в помощь десанту.

К полудню стали сказываться потери, сопротивление слабело. Черные фигуры атакующих немцев замелькали в развалинах рядом с НП, уже можно было различить лица наступающего противника.

И тогда на НП командира батальона телефонист услышал знакомый хриплый голос:

– Третий, третий, как слышите? Прием.

А затем – голос Кравцова:

– Я – Седьмой. Вызываю огонь на себя. Передаю координаты: квадрат ... Как поняли? Прием.

Затем он скомандовал:

– Огонь прекратить, всем в укрытия!

От могучих артиллерийских залпов земля задрожала и как будто даже застонала.

В огненном смерче все смешалось в дыму и пыли, пропала всякая видимость; бойцы с прижатыми к ушам руками и открытыми ртами задыхались от серного и порохового смрада. Казалось, ничто живое сохранить себя не сможет. Все и на НП, и на артиллерийских позициях это понимали, но огонь только усиливался.

Когда же огонь перенесли вглубь, командир полка долго молчал, а потом сказал комбату:

– Пошли туда людей, а вдруг кто-то остался?

И здесь раздался зуммер:

– Я – Седьмой, как поняли? Прием. Немцы покидают остров. Передаю координаты их переправ: квадраты ...

В числе одиннадцати воинов 60-й гвардейской дивизии, удостоенных звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра, есть и имя Бориса Кравцова.

Получил медаль и Грант Петросян с гордой чеканкой «За отвагу», что тоже стоит очень немало.

После войны Борис Кравцов стал известным человеком: он много лет был прокурором России, а затем последним Министром почившего в бозе СССР.

Последний раз я видел Гранта в 85-м году в Сочи. Он принес ко мне в санаторий необыкновенно вкусную клубнику и черешню. Это был полный неразговорчивый мужчина, страдающий одышкой, с большими ногами.

Конечно, мы в дивизии знали о подвиге Кравцова, но подробности того боя рассказал Грант только сейчас.

Я спросил Гранта, что он чувствовал в том бою? Было ли страшно?

– Нет, ответил он. – Я испытывал чувство азарта и даже что-то вроде восторга. Единственное, чего я боялся, – чтобы огонь не прекратился. Я был тесно прижат к Борису и слышал, как он шептал: «Еще, дорогие, еще, еще...»

Я смотрел на него и вспоминал смертельно усталого худенького армянского юношу с навечно привязанной к уху телефонной трубкой, который сотворил подвиг: он обеспечил своего командира тем, без чего победа в бою невозможна – связью.

Март 2008 г.